

Антон Павлович Чехов

Из воспоминаний идеалиста
(Рассказы #0)

Антон Павлович Чехов

Из воспоминаний идеалиста

У нашего казначея сто рублей вперёд и решил во что бы то ни стало «пожить», пожить во всю ивановскую, так, чтобы потом в течение десяти лет жить одними только воспоминаниями.

А вы знаете, что значит «пожить» в лучшем смысле этого слова? Это не значит отправиться в летний театр на оперетку, съесть ужин и к утру вернуться домой навеселе. Это не значит отправиться на выставку, а оттуда на скачки и повертеть там кошельком около тотализатора. Если вы хотите пожить, то садитесь в вагон и отправляйтесь туда, где воздух пропитан запахом сирени и черёмухи, где, лаская ваш взор своей нежной белизной и блеском алмазных росинок, наперегонку цветут ландыши и ночные красавицы. Там, на просторе, под голубым сводом, в виду зелёного леса и воркующих ручьёв, в обществе птиц и зелёных жуков, вы поймёте, что такое жизнь! Прибавьте к этому две-три встречи с

широкополой шляпкой, быстрыми глазками и белым фартучком... Признаюсь, обо всем этом я мечтал, когда с отпуском в кармане, обласканный щедротами казначея, перебирался на дачу.

Дачу я нанял, по совету одного приятеля, у Софьи Павловны Книгиной, отдавшей у себя на даче лишнюю комнату со столом, мебелью и прочими удобствами. Наём дачи совершился скорее, чем мог я думать. Приехав в Перерву и отыскав дачу Книгиной, я взошёл, помню, на террасу и... сконфузился. Терраска была уютна, мила и восхитительна, но ещё милее и (позвольте так выразиться) уютнее была молодая, полная дамочка, сидевшая за столом на террасе и пившая чай. Она прищурила на меня глазки.

— Что вам угодно?

— Извините, пожалуйста... — начал я. — Я... я, вероятно, не туда попал... Мне нужна дача Книгиной...

— Я Книгина и есть... Что вам угодно?

Я потерялся... Под квартирными и дачными хозяйками привык я разуместь особ пожилых, ревматических, пахнущих кофейной гу-

щей, но тут... — «спасите нас, о неба херувимы!» — как сказал Гамлет, сидела чудесная, великолепная, изумительная, очаровательная особа. Я, заикаясь, объяснил, что мне нужно.

— Ах, очень приятно! Садитесь, пожалуйста! Мне ваш друг писал уже. Не хотите ли чаю? Вам со сливками или с лимоном?

Есть порода женщин (чаще всего блондинок), с которыми достаточно посидеть две-три минуты, чтобы вы почувствовали себя как дома, словно вы давным-давно знакомы. Такой именно была и Софья Павловна. Выпивая первый стакан, я уже знал, что она не замужем, живёт на проценты с капитала и ждёт к себе с гости тётю; я знал причины, какие побудили Софью Павловну отдать одну комнату внаймы. Во-первых, платить сто двадцать рублей за дачу для одной тяжело и, во-вторых, как-то жутко: вдруг вор заберётся ночью или днём войдёт страшный мужик! И ничего нет предосудительного, если в угловой комнате будет жить какая-нибудь одинокая дама или мужчина.

— Но мужчина лучше! — вздохнула хозяй-

ка, слизывая варенье с ложечки. — С мужчиной меньше хлопот и не так страшно...

Одним словом, через какой-нибудь час я и Софья Павловна были уже друзьями.

— Ах да! — вспомнил я, прощаясь с ней. — Обо всем поговорили, а о главном ни слова. Сколько же вы с меня возьмёте? Жить я у вас буду только двадцать восемь дней... Обед, конечно... чай и прочее.

— Ну, нашли, о чем говорить! Сколько можете, столько и дайте... Я ведь не из расчёта отдаю комнату, а так... чтоб людней было... двадцать пять рублей можете дать?

Я, конечно, согласился, и дачная жизнь моя началась... Эта жизнь интересна тем, что день похож на день, ночь на ночь, и — сколько прелести в этом однообразии, какие дни, какие ночи! Читатель, я в восторге, позвольте мне вас обнять! Утром я просыпался и, нисколько не думая о службе, пил чай со сливками. В одиннадцать шёл к хозяйке поздравить её с добрым утром и пил у неё кофе с жирными, топлёными сливками. От кофе до обеда болтали. В два часа обед, но что за обед! Представьте себе, что вы, голодный как собака, садитесь

за стол, хватаете большую рюмку листовки и закусываете горячей солониной с хреном. Затем представьте себе окрошку или зеленые щи со сметаной и т.д. и т.д. После обеда безмятежное лежанье, чтение романа и ежеминутное вскакивание, так как хозяйка то и дело мелькает около двери — и «лежите!», «лежите!..» Потом купанье. Вечером до глубокой ночи прогулка с Софьей Павловной... Представьте себе, что в вечерний час, когда все спит, кроме соловья да изредка вскрикивающей цапли, когда слабо дышащий ветерок еле-еле доносит до вас шум далёкого поезда, вы гуляете в роще или по насыпи железной дороги с полной блондиночкой, которая кокетливо пожимается от вечерней прохлады и то и дело поворачивает к вам бледное от луны личико... Ужасно хорошо!

Не прошло и недели, как случилось то, чего вы давно уже ждёте от меня, читатель, и без чего не обходится ни один порядочный рассказ... Я не устоял... Мои объяснения Софья Павловна выслушала равнодушно, почти холодно, словно давно уже ждала их, только сделала милую гримаску губами, как бы же-

лая сказать:

— И о чем тут долго говорить, не понимаю!

Двадцать восемь дней промелькнули как одна секунда. Когда кончился срок моего отпуска, я, тоскующий, неудовлетворённый, прощался с дачей и Соней. Хозяйка, когда я укладывал чемодан, сидела на диване и утирала глазки. Я, сам едва не плача, утешал её, обещая навещать её на дачу по праздникам и бывать у неё зимой в Москве.

— Ах... когда же мы, душа моя, с тобой посчитаемся? — вспомнил я. — Сколько с меня следует?

= Когда-нибудь после... — проговорил мой «предмет», всхлипывая.

— Зачем после? Дружба дружбой, а денежки врозь, говорит пословица, и к тому же я нисколько не желаю жить на твой счёт. Не ломайся же, Соня... Сколько тебе?

— Там... пустяки какие-то... — проговорила хозяйка, всхлипывая и выдвигая из стола ящичек. — Мог бы и после заплатить...

Соня порылась в ящичке, достала оттуда бумажку и подала её мне.

— Это счёт? — спросил я. — Ну, вот и от-

лично... и отлично (я надел очки)... расквитаемся и ладно (я пробежал счёт). Итого... Поймай, что же это? Итого... Да это не то, Соня! Здесь «итого двести двенадцать рублей сорок четыре копейки». Это не мой счёт.

— Твой, Дудочка! Ты погляди!

— Но... откуда же столько? За дачу и стол двадцать пять рублей — согласен... За прислугу три рубля — ну, пусть, и на это согласен...

— Я не понимаю, Дудочка, — сказала протяжно хозяйка, взглянув на меня удивлённо заплаканными глазами. — Неужели ты мне не веришь? Сочти в таком случае! Листовку ты пил... не могла же подавать тебе к обеду водки за ту же цену! Сливки к чаю и кофе... потом клубника, огурцы, вишни... Насчёт кофе тоже... Ведь ты не договаривался пить его, а пил каждый день! Впрочем, все это такие пустяки, что я, изволь, могу сбросить тебе двенадцать рублей. Пусть остаётся только двести.

— Но... тут поставлено семьдесят пять рублей и не обозначено, за что... За что это?

— Как за что? Вот это мило!

Я посмотрел ей в личико. Оно глядело так

искренне, ясно и удивлено, что язык мой уже не мог выговорить ни одного слова. Д дал Со не сто рублей и вексель на столько же, взвалил на плечи чемодан и пошёл на вокзал.

Нет ли, господа, у кого-нибудь займы ста рублей?